

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

О.А. Воронина

Цивилизационное развитие России и «женский вопрос» (XV – начало XX века)

Olga A. Voronina

Russian Civilization and the “Women’s Question” (XV – early XX century)

Цель статьи – описание и анализ общей картины того, как формировалось представление о нормативной женственности в процессе исторического развития российской цивилизации в XV – начале XX веков. Эмпирическую базу анализа составляют материалы исследований по социальной и гендерной истории, этнографии, социальной философии. Основную роль в формировании гендерных норм играли православная церковь, самодержавное государство, сословная социальная структура, аграрный тип производства. Так, утверждение в России монотеизма способствовало формированию патриархатного социального порядка, для которого характерны главенство мужчин и подчинение женщин. Это вместе с изменением социально-экономических условий, формированием привилегированных сословий и влиянием татаро-монгольского ига привело к лишению женщин тех прав, которыми они обладали в Древней Руси. Через несколько веков реформы Петра I нанесли значительный удар по архаическим традициям. Его инновации положили начало формированию светского законодательства в области брачно-семейных отношений, которое снизило роль канонического права, запрещало некоторые особенно изувеские в отношении женщин бытовые нормы и ограничило власть мужа в семье. Европеизация способствовала секуляризации общественного сознания высших слоев общества и внедрению западных норм социальной и культурной жизни. Позже модернизация России, отмена крепостного права, развитие промышленности и более широкое привлечение в нее женщин требовали повышения уровня их образования. Начавшиеся с середины XIX века дискуссии о праве женщин на университетское и профессиональное образование, на избирательные права способствовали пробуждению социальной активности женщин. Автор анализирует специфику трех основных направлений в обсуждении «женского вопроса». Одно из них – так называемая теология пола – шло в русле русской философской традиции. Два других подхода опирались на социалистические и либеральные идеи западных мыслителей. Автор приходит к выводу, что в целом формирование нормативной гендерной структуры

© Воронина О.А.

в России протекало аналогично тому, как это происходило и в европейской цивилизации: от первоначальной жесткой гендерной иерархии к постепенному расширению прав и возможностей женщин вплоть до получения женщинами избирательных прав в апреле 1917 года. В статье показывается, что развитие российской цивилизации в гендерном аспекте шло от патриархальных традиций к предоставлению женщинам больших прав и возможностей. Эти тенденции были продолжены и в советское время. Статья предоставляет убедительный материал для опровержения утверждений отечественных консервативных идеологов о неизбежности патриархальных гендерных норм в России.

Ключевые слова: цивилизация, Россия, женщина, гендер, традиция, права, теология пола, либерализм.

The purpose of the article is to present a general picture of how the idea of normative femininity was formed in the process of the historical development of Russian civilization from the 15th to the beginning of the 20th centuries. The empirical base of the analysis consists of research materials on social and gender history, ethnography, and social philosophy. The main role in the formation of gender norms was played by the Orthodox Church, the autocratic state, the class social structure, and the agrarian type of production. Thus, the establishment of monotheism in Russia contributed to the formation of a patriarchal social order, which is characterized by the primacy of men and the subordination of women. This, together with changes in socio-economic conditions, the formation of privileged estates and the influence of the Tatar-Mongol yoke, led to the deprivation of women of the rights that they had in Ancient Russia. A few centuries later, the reforms of Peter I dealt a significant blow to the archaic traditions. His innovations marked the beginning of the formation of secular legislation in the field of marriage and family relations, which reduced the role of canon law, prohibited some particularly fanatical domestic norms against women, and limited the power of the husband in the family. Europeanization contributed to the secularization of the social consciousness of the upper strata of society and the introduction of Western norms of social and cultural life. Later, the modernization of Russia, the abolition of serfdom, the development of industry and the wider involvement of women in it required an increase in their level of education. Beginning in the middle of the XIX century discussions about women's right to university and vocational education, and to the right to vote, contributed to the awakening of women's social activism. The author analyzes the specifics of the three main directions in the discussion of the "women's issue". One of them – the so-called theology of sex – was in line with the Russian philosophical tradition. The other two approaches drew on the socialist and liberal ideas of Western thinkers. The author comes to the conclusion that, in general, the formation of the normative gender structure in Russia proceeded in the same way as it did in European civilization: from the initial rigid gender hierarchy to the gradual empowerment of women until women received voting rights in April 1917. The article shows that the development of Russian civilization in the gender aspect went from patriarchal traditions to the provision of greater rights and opportunities to women. These trends were continued in Soviet times. The article provides convincing material to refute the claims of Russian conservative ideologists about the inviolability of patriarchal gender norms in Russia.

Keywords: civilization, Russia, woman, gender, tradition, rights, theology of sex, liberalism.

Введение

В самом общем виде цивилизация понимается как устойчивая общность людей, объединенных духовными традициями, ценностями, сходным образом жизни, географическими, историческими рамками. На практическом уровне все эти факторы определяют жизнь людей – их экономический и социальный статус; формы брака, структуру семьи, семейные роли и отношения; возможности получения образования и профессии и многое другое.

Разнообразие цивилизаций можно классифицировать по разным основаниям. Одной из самых распространенных типологий является та, которая опирается на идеи С. Хантингтона о тождестве цивилизации и культуры и о ведущей роли религии в их формировании [36, с. 80]. В соответствии с этим Хантингтон выделяет западную (базирующую на католицизме и протестантизме), российскую (православную), мусульманскую, буддийскую, индуистскую цивилизации. В.М. Межуев справедливо отмечает, что определение цивилизации через религию не всегда обоснованно. Так, например, хотя христианство является религией Запада, но другим истоком западной цивилизации стала греко-римская античность, откуда и заимствовано слово «цивилизация». Секуляризация, индустриальная революция, развитие философии также сыграли значимую роль в развитии западной цивилизации. И поэтому он предлагал говорить о цивилизациях традиционных и современных, доиндустриальных (аграрных), индустриальных и постиндустриальных [18, с. 12].

В этой статье я хочу рассмотреть процесс формирования гендерной системы российской цивилизации с XV по начало XX века. Возможность говорить в целом о периоде в пять столетий кажется мне вполне обоснованной на том основании, что для него характерны некоторые общие значимые феномены. Это, прежде всего, православие, самодержавие, аграрный тип производства, значительная социальная дифференциация, верность «традициям предков». Следует подчеркнуть, что в связи с ограниченным объемом статьи основное внимание уделено главным трендам в развитии «женского вопроса» применительно к той части российской цивилизации, которая относится к православию и «русскому обществу». К сожалению, вне рамок рассмотрения остается вопрос о том, как на положение женщин и мужчин влияли иные этнические и религиозные факторы, характерные для «присоединяемых» к России регионов. Автор планирует подробнее изучить эту тему в будущем.

В настоящий момент в теоретических работах по проблемам цивилизационного развития практически не рассматривается вопрос о том, какая гендерная система формируется в рамках той или иной цивилизации. Возможно, это связано с тем, что на определенном этапе истории все цивилизации носили патриархальный характер. Культурными универсалиями, поддержи-

вающими гендерную иерархию во всех сферах жизни, выступали монотеистическая религия, разделение сфер жизни на публичную и приватную, гендерная дифференциация труда, моногамный гетеросексуальный брак, семья с главенством мужчины и освящающая эти социальные институты символическая система. Эти вопросы подробно проанализированы историками и антропологами [6, 7, 16, 26].

История женщин и гендерной системы в Европе от древних богинь вплоть до конца XX века представлена в солидном пятитомнике под редакцией Ж. Дюби и М. Перро [12]. К сожалению, отечественные исследователи уделяли очень мало внимания изучению гендерных аспектов российской цивилизации, особенно дореволюционного периода. Отчасти, как отмечает известный историк Н.Л. Пушкарёва, слабая изученность социальной и гендерной истории России связана с отсутствием достоверных источников или неравномерностью их представленности относительно разных периодов [22]. Более или менее систематически эта тема стала изучаться только в последние два века, причем, как правило, первоначально речь шла о представлении «выдающихся женщин» (преимущественно цариц/императриц), а затем об этнографических исследованиях быта крестьян, обычаев и ритуалов. При этом вне исследовательского поля остались такие сословия, как купечество, мещанство, работники первых мануфактур. Тем не менее Н.Л. Пушкарёва смогла собрать довольно представительную библиографию работ российских и зарубежных авторов о русской женской истории [24]. В предисловии она подчеркивает существование различных позиций и мнений при оценке гендерной картины российской истории. Не имея возможности углубляться в анализ этих обширных и разнообразных данных, я тем не менее рискну представить общие тенденции формирования системы женских гендерных ролей в России до 1917 года.

Древняя и Средневековая Русь

Крещение Руси в 988 году сделало православную церковь главным и монопольным регулятором гендерных норм. Утверждение христианского единобожия привело к искоренению древних языческих верований, основанных на множественности сакральных фигур (в том числе и женских), что находило отражение в сказках и народных поверьях [21, 40]. Процесс замещения языческих женских божеств и культа Богини-Великой Матери единобожием в христианстве был характерен для всей европейской ойкумены [39, 41]. В неолитической мифологии супруг, брат и сын Великой Матери были также божественны. Но в христианстве Отец и Сын божественны и бессмертны, а Мария, представляющая женское начало в этом «святом семействе», не имеет божественной природы, т.е. стоит ступенью ниже

по сравнению со своим сыном. Победа Бога-отца, наделенного всеми мужскими атрибутами патриархального общества, свидетельствует об установлении нового идеологического порядка. Христианское единобожие утверждается как идеология патриархатной организации общества, основанной на отцовском праве и главенстве мужчин.

Влияние церковных норм на брачно-семейные отношения было противоречивым. С одной стороны, церковь боролась с пережитками язычества (многоженством, наложничеством, заключением брака посредством кражи и покупки невесты). С другой, способствовала подчинению женщин власти мужчин (отца и впоследствии мужа), а также формированию идеологии мизогинии. Библейская интерпретация женского тела как «сосуда греха» служила обоснованием запрета женщинам на присутствие в публичном пространстве – будь то управление помещьем или ведение церковной службы. Брак объявляется духовным «таинством», освящаемым церковью, и становится пожизненным. Муж приобретает полную власть над женой и детьми.

В частной сфере поведение и сознание женщин также регулировались посредством многочисленных запретов, в том числе и в сфере духовной жизни (запрет на посещение церквей и даже чтение церковной литературы в т.н. «критические дни» и в течение 40 дней после родов). Женщина не могла быть рукоположена в сан, она не вправе была излагать Священное предание. Церковная мораль того времени, считавшая идеалом непорочное зачатие Христа, противопоставляла этому идею греховности плоти и земных способов производства детей. Церковные дидактики навязывали женщинам мотив страдания как единственно возможного пути искупления за свои «грехи». Анализ церковных текстов XV–XVII веков показывает, что именно в них сформировался бинаризм в описании женщины как блудницы или как девственницы. Тогда же складываются и основные черты репрессивной сексуальной морали: запреты изображений нагого женского тела, прилюдных обнажений и разговоров на сексуальные темы, требование отдельных опочивален и даже «половин» для мужа и жены (что могло быть исполнено только высшим сословием) [23].

Социальное положение женщины в славянском обществе в X веке было высоким, отмечает Е.Н. Ярмонова, поскольку к моменту появления первых законодательных актов сохранялись следы матриархата. В Древней Руси женщины имели право на приданое, наследство и некоторое иное имущество. В дохристианский период жены имели свое имущество. Разумеется, на полноту имущественных прав влиял социальный статус. Большими правами обладали женщины, принадлежавшие к привилегированным сословиям: княгини и другие знатные женщины могли владеть крупными состояниями, городами, селами. Так, «княгине Ольге принадлежал собственный город, свои места птичьей и звериной ловли». Собственное имущество

у женщин формировалось из целого ряда источников и могло быть весьма значительным, так как именно эти женщины могли быть наследницами уже в соответствии с «Русской Правдой»¹. Вдовы обладали имущественной самостоятельностью, над ними не устанавливалось опекунов со стороны мужчин (отцов, братьев). Вдова могла сама определить своего наследника, причем им могли быть как ее сын, так и дочь, как от первого брака, так и от второго, а в ряде случаев ее боковой родственник или даже иное лицо. Самым тяжелым было положение жен, дочерей и сестер холопов. На корпус прав влиял и тип социально-политической организации поселения: так, жительницы Пскова и Новгорода обладали более широкими имущественными, социальными и даже некоторыми политическими правами по сравнению с женщинами из других регионов Древней Руси. Однако, как считают исследователи, изменения социально-экономических условий, формирование привилегированных сословий и негативное влияние со стороны татаро-монгольских завоевателей привели к формированию патриархатной системы права. В целом постепенно женщины, особенно замужние, стали занимать более приниженное положение по сравнению с мужчинами [38].

Постепенно стал формироваться принцип раздельного пространства для мужчин и женщин. Так, например, вплоть до XVII века сохранялась традиция теремного затворничества: женщины из высшего общества должны были содержаться в специальных помещениях (теремах), они редко и только с позволения мужчин показывались на глаза слугам или гостям. Разумеется, в крестьянской жизни это было невозможно, поскольку женщины участвовали в повседневном труде наравне с мужчинами [25, с. 44–47].

Принцип разделения социального пространства на мужскую и женскую сферы нашел отражение в своде бытовых правил «Домострой» (авторство которого приписывается протопопу Сильвестру, духовнику Ивана Грозного). В этом тексте мужчинам и женщинам диктуются строго дифференцированные нормы жизни: муж должен работать и добывать пропитание, а жена управлять домашним хозяйством. Жене предписывается быть доброй, трудолюбивой и *молчаливой*, а мужу – «грозой» для жены и детей, с предписанием строго наказывать их за провинности вплоть до «сокрушения ребер». Популярность этого текста была чрезвычайно велика. Как писал Н.В. Шелгунов, «Домострой царил у нас повсюду, во всех понятиях, во всех слоях общества, начиная с деревенской избы и кончая помещичьим домом...» [19, с. 291]. При этом многие не только современники этого текста, но и его более поздние исследователи оценивали «Домострой» «как цвет и плод искони вечных нравственных и хозяйственных уставов нашего быта. Домострой есть зеркало, в котором мы можем раскрывать... подземные силы

---

¹Русская Правда – сборник правовых норм Киевской Руси, датированный различными годами, начиная с 1016 года, древнейший русский правовой кодекс.

нашей истории» (И.Е. Забелин) [19, с. 291]. При такой оценке этих норм неудивительно, что они вошли в сознание россиян и вплоть до наших дней определяют многие правила жизни. Так, в России до сих пор домашние побои мужем жены и детей считаются «чисто семейным делом», не подлежащим законодательному регулированию.

Реформы Петра Первого

Открытие «окна в Европу» и внедрение западных норм социальной и культурной жизни нанесли значительный удар по архаическим традициям в частной русской жизни. Затворничество дворянок ушло в прошлое вместе с петровскими «Ассамблеями», присутствие на которых было для них обязательным, как и предписания соответствовать европейским нормам этикета, внешности и одежды.

Инновации Петра коснулись расширения личных имущественных прав женщин (в основном дворянок) [17] и положили начало формированию светского законодательства в области брачно-семейных отношений, которое снизило роль канонического права и запрещало некоторые особенно изуверские в отношении женщин бытовые нормы. Указы Петра ограничивали власть мужа в семье: запрещался насильственный постриг жены в монастырь по *его желанию*², продажа жены и нанесение ей тяжких увечий (нанесение клейма и прочие варварства)³. Формально-юридически женщины получили больше прав и свобод при заключении брака и его расторжении, хотя процедура развода и осталась чрезвычайно сложной. Разумеется, эти новации не касались основной массы женского населения России – крестьянок, в отношении которых вплоть до 1917 года царил строгий патриархальный порядок (с сохранением до начала XX века традиции снохачества) [25, с. 161]. При этом, предоставив женщинам из высших классов доступ в публичное пространство ассамблей и балов, Петр не предоставил им (да и не мог тогда) доступ к политическим институтам и государственной службе. Эту ситуацию не меняет и тот факт, что после смерти Петра I наступил довольно значительный период правления императриц. Как показывают работы историков, женщины-императрицы часто поддерживали принятый «мужской стиль» власти и поведения (включая переодевание в мужской костюм, сексуальную свободу в личной жизни и т.д.), не говоря уж о патриархальном социальном порядке [13, 14].

---

²Хотя сам Петр нарушал этот принцип: он сослал практически на пожизненное заключение в монастырь свою первую жену Евдокию [13, с. 200].

³Побои и жестокое обращение с женщинами были широко распространены в семьях всех сословий вплоть до начала XX века [25, с. 189–190].

Позже даже лидеры декабристского движения в своих проектах политического переустройства России и мысли не допускали о возможности участия женщин в политической жизни. Никита Муравьев писал, например, что «женщина не только не является субъектом политических прав, но ей даже запрещено присутствовать на открытых заседаниях высшего законодательного органа, <...> парламент обычно допускает присутствие зрителей. Но женщинам <...> всегда возбраняется вход в Палаты» [9, с. 286].

И тем не менее активное взаимодействие России с Европой, начатое Петром I, положило начало принятию западного образа жизни и умонастроений дворян в России. Теремное затворничество дворянок ушло в прошлое. Рост уровня образованности женщин из высших слоев общества менял нравы и манеры, способствовал более активному участию женщин в публичной жизни. Европеизация способствовала секуляризации общественного сознания высших слоев общества.

В целом же промышленная и техническая модернизация России, начатая петровскими реформами, оставила нетронутыми базовые структуры архаического общества: аграрную экономику, преобладание крепостного крестьянства среди населения, абсолютистскую власть, главенствующую роль православия в культуре.

Разделение производственной и домашней сфер

В доиндустриальном аграрном обществе не существовало жесткого разделения системы производства и воспроизводства. Мужчины и женщины могли выполнять одинаковые работы или заменять друг друга, потому что так было необходимо для выживания семьи. Производство средств существования и воспроизводство людей были нераздельно связаны и протекали практически в едином пространстве домохозяйства. Этим определялась практически равноценная и равно значимая роль мужчин и женщин. Разумеется, исключение составляли правящие классы: мужчины эксплуатировали крепостных (равно мужчин и женщин) для обеспечения себя и своей семьи. Однако женщины из господствующих классов выполняли свои обязанности по воспроизводству (хотя и здесь многое перекладывалось на кормилиц, няней, гувернанток).

По мере развития промышленности товарное производство выделяется из сферы домашнего хозяйства. Иными словами, в обществе формируются две большие отдельные сферы: производство вне семьи ради заработка и семейное воспроизводство. Одна из них – публично-производственная – становится прерогативой мужчин и получает соответствующее идеологическое обоснование («мир-дом мужчины»). Другая, обеспечивающая рождение и выхаживание детей, производство еды и одежды для внутрисемейного потребления, закрепляется только за женщинами («дом-мир женщины»).

В России этот общеевропейский процесс [10, 34] протекал несколько иначе. Дело в том, что у нас первоначальный этап развития промышленного производства был связан с использованием труда на рудниках, заводах и фабриках вотчинных крестьян обоего пола. В XVIII веке на рудниках, заводах и мануфактурах царила жесткая дисциплина, палочная расправа (рабочих били батогами и плетьюми). Владелец завода передавал свое право вотчинной юрисдикции над крепостными рабочими своим приказчиком, нередко также крепостным. Рабочий день летом длился 14 часов, осенью и весной – 12 часов, а зимой – 10 часов; на рудниках – 13 часов. В крепостном производстве занятых на фабрике женщин было примерно столько же, сколько и мужчин. Женский и детский труд активно использовался на уральских заводах, в кузнечных мастерских, в ткацкой промышленности. На алтайских заводах сыновья горнозаводских рабочих людей работали в обязательном порядке уже с 7 лет. Наиболее выгодным для фабрикантов оказалось использование детей: нищих и воспитанников детдомов массово забирали на фабрики, выплачивая им мизерную заработную плату.

Большинство женского населения России составляли крестьянки, чей труд был еще более тяжелым. Работая по 18 часов в день, они не только трудились в поле и на скотном дворе, но вели домашнее хозяйство, заботились о детях, зимой, когда работы в поле не было, занимались ремеслом, поскольку во многих областях одежду полностью изготавливали сами. Многие крестьянки на дому выполняли заказы на изготовление кружев. Например, в конце XIX века они ежегодно плели кружева на 2 млрд рублей. Однако, трудясь наравне, а часто и больше мужчин, крестьянки, по сложившейся правовой практике и обычаям того времени, не владели землей и большей частью находились в личной и экономической зависимости от главы семейства.

После отмены крепостного права ситуация практически не изменилась, женщины (даже семейные) по-прежнему были вынуждены идти на тяжелые работы, при этом получая как минимум на 30% меньше, чем мужчины.

Важно подчеркнуть, что в Европе разделение публичной и частной сфер носило довольно выраженный гендерный характер. Первая из них дает власть и привилегии мужчинам (что не исключает внутренней социальной иерархии), вторая ставит женщин в подчиненное положение. В России разделение этих сфер получило иную конфигурацию. В нашем сословном архаично-аграрном обществе с сохранением крепостного права вплоть до последней трети XIX века решающую роль в получении властных полномочий в публичной/производственной сфере играло высокое социальное положение, а уж затем мужской пол. Иными словами, самодержец, аристократ, помещик, промышленник ими обладали по праву крови, а крестьянин, рабочий, солдат – нет. Возможность реализовать свои властные амбиции

оставалась у мужчин подчиненных слоев только в семье, где они получали статус кормильца (и распорядителя ресурсами), а женщины (даже работающие на заводе или в поле) – двойное бремя и подчиненное положение.

Гендерная дифференциация в образовании

Долгое время образование в России носило сословный и гендерно-неравный характер. Начало школьному (внесемейному) образованию девочек положила Екатерина Вторая. Ранее даже в богатых семьях девочек не столько образовывали, сколько воспитывали в духе христианских ценностей и ритуалов, причем основная роль в этом принадлежала няне. С открытием в 1764 году при Воскресенском монастыре в Санкт-Петербурге Воспитательного общества благородных девиц (Смольного института) ситуация стала меняться. И хотя фактически эти «институты» готовили девочек (только дворянок и мещанок) к исполнению в будущем светских и домашних обязанностей, тем не менее их обучали иностранным языкам, музыке, танцам, пению, литературе, этикету, давали минимальное знание математики и физики. Сама практика доступа девочек в публичное пространство школ и пансионов были большим шагом вперед по сравнению с предыдущим временем [15].

В середине XIX века начали создаваться специальные женские училища, готовящие акушерок, а также учительниц и медсестер, которые, правда, могли работать только в женских школах и больницах. Вопрос о получении женщинами университетского образования и соответствующих дипломов так и не был решен положительно в царской России. Высшие женские Бестужевские курсы, на которых преподавали многие известные ученые, не обеспечивали образования, равноценного университетскому. Дипломы, получаемые на этих курсах, давали право работы только в женских сферах образования и медицины. Поступление женщин в высшие учебные заведения России было запрещено, а в Европе первые студентки стали обучаться в университетах с середины XIX века.

Женщины, сумевшие получить высшее образование за границей, практически не имели доступа к работе по специальности. Первые женщины-врачи начали работать в земских и городских больницах, не имея на это юридических прав и официального разрешения. В 1883 году им разрешили занимать должности врача в женских учебных заведениях, но *в каждом отдельном случае на это требовалось разрешение Министерства Внутренних Дел*. В 1895 году, с учреждением женского медицинского института, решением Государственного Совета диплом «Женщина – врач» давал право свободной практики, заведования земскими медицинскими участками, детскими и женскими больницами в городах, но право состоять на государственной службе не предоставлялось, даже в качестве секретарей. Юридическая деятельность оставалась для женщин закрытой.

Дискуссии о «женском вопросе» в конце XIX – начале XX века

Социальные трансформации и буржуазные революции в Европе привели к изменению взглядов на статус женщин. Со второй половины XIX века в великосветских литературных салонах и интеллектуальных кружках Москвы и Санкт-Петербурга активно обсуждались книги Ж. Санд, Сен-Симона, Дж. Милля и Х. Тэйлор. Дискуссия по женскому вопросу впервые в России была инициирована поэтом и радикальным публицистом М.Л. Михайловым. С 1859 по 1865 год он написал ряд статей по проблемам женской эмансипации, апологетом которой он был. Эмансипация понималась в то время в духе французского просвещения – как необходимость личностного развития и социальной самореализации женщин.

В России происходил ряд социально-экономических процессов, которые затрагивали реальное положение женщин. Это, прежде всего, отмена крепостничества, развитие промышленности и более широкое привлечение женщин в ряды рабочего класса, повышение уровня начального образования женщин⁴. Актуальными стали вопросы о праве женщин на получение университетского и профессионального образования, о предоставлении женщинам гражданского равенства с мужчинами.

Обсуждение «женского вопроса» в то время протекало по трем основным направлениям. Одно из них происходило в русле русской философской традиции, два других воспроизводили на отечественной почве заимствованные у западных мыслителей социалистические и либеральные концепции.

«Теология пола» или, как ее еще называют, философия любви – это своеобразное направление в русской религиозной философии, к которому относятся достаточно разные по взглядам мыслители. В центре внимания философов этого направления находился вопрос о роли и значении половых различий в системе мироздания. В. Соловьев основное внимание уделял андрогинности человека и Вечной Женственности. Основное понятие философии Соловьева – всеединство человека, мира и Бога. Соловьев считает любовь между мужчиной и женщиной средством преодоления отчуждения человека от всеединства. Он верит, что истинный человек в полноте своей идеальной личности... не может быть только мужчиной или только женщиной, а должен быть высшим единством обоих [32, с. 19–77]. Иными словами, изначальный образ Бога может быть восстановлен только в человеке-андрогине, объединяющем в себе духовные качества женщины и мужчины. При этом физическое соединение женщины и мужчины и рождение детей Соловьев считал «дурной бесконечностью», приравнивающей человека к животному.

---

⁴По переписи 1897 года в городах лишь 16,6% женщин в возрасте 9–49 лет были грамотными, а в сельских местностях еще меньше – 12,5%.

Для Соловьева сама тема и терминология пола имеют настолько важное значение, что он вводит их в свое теологическое и онтологическое учение. Для Соловьева Бог – это, безусловно, Отец, ОН, мужское начало (и это вполне традиционно). Но «душа мира», в духе средневековой мистики, ассоциируется у него с образом Вечной Женственности, с Премудростью, с Софией (ассоциация феминного начала с мудростью – вполне нетрадиционно). Цель человеческой истории – достижение совершенства, которое достигается посредством божественной брачной мистерии, в которой участвуют три элемента: «обоготворенная природа» (женское начало), человеко-бог (мужское начало) и Вечная Премудрость (эта последняя является результатом слияния мужского-божественного-природного-женского-духовного) начал [31].

Другие идеи в русской философии пола представлял Н. Бердяев, который рассматривал проблему пола в духе христианского мистицизма, частично заимствуя идеи В. Соловьева, частично отвергая их. Концепция Н. Бердяева достаточно противоречива. С одной стороны, он, как и В. Соловьев, считает, что истинная сущность человека андрогинна. С другой – утверждает, что «половая полярность есть основной закон жизни и, может быть, основа мира» [2, с. 15–16]. Категории пола, т.е. мужское и женское, Бердяев считал космическими, а не антропологическими понятиями. Для него христианская символика Логоса (мужского начала) и души мира (женского начала) воплощаются в божественной брачной мистерии: «душа мира – земля – женственна по отношению к Логосу – светоносному Мужу и жаждет соединиться с Логосом, принять его внутрь себя» [4, с. 87]. Бердяев пишет, что призвание женщины – это не деторождение, но явление Вечной Женственности, которая вдохновляет мужчину на высокое творчество [Там же, с. 253]. Достижение божественного андрогинного состояния возможно не через физическое, но через творческое мистическое и «оргастическое» слияние в творческом акте. В преодолении физиологии пола рождается новый человек, восстанавливающий в себе андрогинный образ Бога [Там же, с. 429].

В. Розанов резко выступал против разделения духа и тела и отвержения телесных радостей в христианстве. Аскетизм христианства сделал его бесчувственным к теплу жизни, в то время как, по мысли В. Розанова, – «связь пола с Богом, большая, чем связь ума с Богом, чем даже совести с Богом...» [29, с. 119]. Деторождение, писал Розанов, вовсе не загоняет человечество в дурную бесконечность смертей и рождений, а помогает преодолеть смерть [28]. Описывая души мужчин и женщин, которые, по Розанову, дополняют друг друга, он придерживался традиционного полового символизма: «мужская душа в идеале – твердая, прямая, крепкая, наступающая, движущаяся вперед, напиральная, преодолевающая», а женская – мягкая, податливая, уступчивая [27, с. 39].

Н. Бердяев и В. Розанов пытались преодолеть ханжество и навязанный аскетизм христианства и воссоединит духовность с телесностью. Именно поэтому в их концепциях Бог и религиозность тесно связаны с любовью,

страстью, Эросом, т.е. тем, что в западной традиции маркируется как феминное. Важно отметить, что ассоциация божественного и религиозного с феминным, которая при этом возникает, ставит совершенно иные культурно-символические акценты.

В отличие от Бердяева и Розанова, в ортодоксально-богословском течении в философии любви (в работах П. Флоренского, С. Булгакова, И. Ильина) представлена позиция резкого разграничения физического пола и духовного начала. Так, С. Булгаков, писал, что «мужское и женское само по себе, вне грехопадения, не есть пол. Первоначально они суть духовные начала...» [5, с. 143]. Но хотя Булгаков и пишет о духовных началах, он также воспроизводит традиционные взгляды о том, что мужское начало отличается преобладанием разума и воли над чувствами, а женское, наоборот – преобладанием чувства над разумом [Там же, с. 165]. Правда, Булгаков, развивая учение Соловьева о Софии и Вечной Женственности, допускал, что София может быть одной из божественных ипостасей, женским (материнским) элементом Троицы [Там же, с. 140].

Как видим, в русской теософии существовал весьма своеобразный подход к восприятию и оценке дифференциации маскулинного и феминного. Во-первых, в русской теологии пола различия мужского и женского начал рассматривается как духовный, а не онтологический или гносеологический принцип, что характерно для западной философии. Во-вторых, в русской философии расставлены несколько иные культурно-символические акценты: то, что на Западе ассоциируется с мужским/маскулинным началом (божественное, духовное, истинное), в России и русской культуре ассоциируется – через категорию любви – с женским началом. В соответствии с традиционными западными культурно-символическими ассоциациями из предыдущего предложения можно было бы сделать вывод о том, что в России женское начало оценивается выше мужского. Но это не совсем так. Поэтому вслед за Платоном мужское начало трактовалось как содержание, наполняющее женскую форму, или, иными словами, оформление, оплодотворение, одухотворение (А. Белый, Н. Бердяев, С. Булгаков, Д. Мережковский, П. Флоренский). Поскольку женское начало считалось безликим, родовым, коллективным, пассивным, то мужское – личным, индивидуальным, властным и подлинно человеческим. Как писал Розанов, «Мужчина – Я. Женщина – твоя» [30, с. 161]... «Я мужчины – с гору величиной, Я женское... да оно просто прислонено к мужскому» [Там же, с. 163]. Как видим, несмотря на идеализацию материнского начала как метафизического и космического (Бердяев) принципа, в отношении к женщинам как человеческим существам русские философы придерживаются мнения об их не-субъектности, неразумности, несамостоятельности. Идеи о мессионизме материнского начала вполне спокойно соседствуют с презрением к женщинам как физическим суще-

ствам, людям: «Женщина – существо совсем иного порядка, чем мужчина. Она гораздо менее человек, гораздо более природа» – пишет Н.А. Бердяев [4, с. 432]. «Обладание полом» и приверженность «половой стихии» приписывается только женщинам: «Женщина вся пол, ее половая жизнь – вся ее жизнь, захватывающая ее целиком, поскольку она женщина, а не человек» [Там же]. Нормативность маскулинности (зadolго до обнаружения этой темы феминистками) утверждает другой русский философ: «...полнота человеческих сил и способностей раскрыта была в истории преимущественно мужчиною, и все, раскрывшееся в мужчине и им утвержденное вне сферы непосредственных влияний пола, мы условились считать нормативно-человеческим» [11, с. 380]. Иными словами, в космическом и метафизическом смыслах мужское трактуется как аполлоновское начало формы, идеи, логоса, культуры, личности, разума, права и закона. Женское – это прежде всего материнское начало материи, природы, пола, рода, семьи, бессознательного, эмоционального, смиренного, милосердного. Представления о феминности (софийности) носят в иррационалистической русской философии пола крайне абстрактный характер. Это, скорее, аллегория, чем категория, скорее, моральное наставление, чем концепция. Более подробный анализ различных направлений, развивавшихся в русле «теологии пола» представлен в моей статье «Оппозиция материи и духа: гендерный аспект» [8].

Социалистические представления об эмансипации женщин представлены в художественно-публицистическом виде в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?». Он рассматривал дифференциацию мужского и женского в культуре с социальной точки зрения и фактически обсуждал проблему социополовой (т.е. гендерной) дифференциации и стратификации общества, ее несправедливости и необходимости преодоления.

Практическим выражением возросшей социально-политической активности женщин стало их участие в просветительской компании «хождение в народ» и в разных видах революционной деятельности, вплоть до радикальных [20, 33].

Либеральные идеи представлены такими именами, как Н.В. Стасова, М.В. Трубникова, А.П. Философова, М.К. Цебрикова, А.Н. Шабанова, А.В. Тыркова-Вильямс. Первоначально их внимание было направлено на проблемы женского труда и образования. Позже с неизбежностью встает и вопрос о гражданском равноправии, для решения которого возникают «Союз равноправности женщин» и «Лига равноправия женщин». А.Н. Шабанова, одна из лидеров «движения равноправов», выразила эту идею словами о том, что «нормы права должны быть одинаковы для всех» [35]. Иными словами, она представляла позицию либерального эгалитаризма с его акцентом на сходстве женщин и мужчин.

В 1908 году в Санкт-Петербурге прошел Первый Всероссийский женский съезд, в работе которого приняли участие женщины противоположных взглядов – «буржуазки» и «пролетарки», эгалитаристки и сторонницы различий. Движение работниц выступало за право на труд и повышение заработной платы. Либеральные феминистки требовали предоставить женщинам право на получение высшего образования и избирательные права, которые они считали гарантом доступа женщин к политической власти и, следовательно, средством установления равноправия. Работницы же нередко полагали, что борьба за избирательные права и высшее образование для женщин – это блажь богатых «буржуазок», на которую не стоит тратить время и силы.

Оппозиция рабочего женского движения «буржуазному феминистскому» активно поддерживалась марксистскими теоретиками. Развитие самостоятельного женского движения и борьба женщин за свои права (а не за социалистическое преобразование всего общества) считались Ф. Энгельсом, А. Бебелем, В.И. Лениным и даже А. Коллонтай «чисто буржуазной затеей», служащей отвлечению женских масс от революционной борьбы.

Российская лига равноправия женщин (РЛРЖ) к началу Первой Мировой войны имела свои отделения в 50 городах. Помимо благотворительности, РЛРЖ активно участвовали в продвижении законодательных инициатив. «Равноправкам» удалось добиться через Думу рассмотрения закона, позволяющего женщинам участвовать в земских волостных выборах (без права быть избранными) (1911), проживать отдельно от супругов и иметь при этом равные наследственные права на общесемейное имущество (1912). Менее удачными были попытки добиться принятия женщин во все университеты, а также получения допуска в адвокатуру.

Последним актом борьбы за эмансипацию женщин в дореволюционной России стало предоставление им избирательных прав⁵. 19 марта 1917 года перед резиденцией Временного правительства в Санкт-Петербурге состоялась 40-тысячная демонстрация женщин, несших транспаранты «Место женщин – в Учредительном собрании!», «Избирательные права женщинам!», «Женщины, объединяйтесь!», «Работницы требуют избирательных прав!», «Без участия женщин избирательное право не всеобщее!». Демонстрантки добились ответа от Председателя Совета министров Временного правительства Г.Е. Львова, что под «всеобщим избирательным правом» Временное правительство понимает избирательное право для лиц обоего пола. 21 марта 1917 года кн. Г.Е. Львов на встрече с делегатками РЛРЖ (В.Н. Фигнер, А.В. Тыркова, А.Н. Шабанова, С.В. Панина и др.) еще раз подтвердил от имени правительства намерение осуществить политическое равноправие женщин и заявил, что в Положении о выборах в Учредительное собрание

---

⁵Одними из первых предоставили женщинам избирательные права Новая Зеландия (1893), Австралия (1902), в Европе – Великое княжество Финляндское (в составе Российской империи (1906).

появилась запись о всеобщем избирательном праве «без различия пола». 15 апреля 1917 года Временное правительство приняло постановление «О производстве выборов гласных городских дум, об участковых городских управлениях», согласно которому избирательными правами наделялись все граждане, достигшие 20 лет, без различия национальности и вероисповедания. 20 июня 1917 года Временное правительство приняло положение о выборах в Учредительное собрание, высший законодательный орган государства, вступившее в силу с 11 сентября 1917 года, в котором было прямо указано о «всеобщем избирательном праве “без различия пола”» [37].

Признание россиянок равноправными субъектами политической жизни – это заслуга женского либерально-демократического движения. На выборах в городские и районные думы в мае-августе 1917 более всего было выдвинуто женщин-кандидаток от кадетов (12%, в том числе С.В. Панина), чуть меньше – от большевиков (10%, в том числе А.М. Коллонтай) и эсеров (7%, в том числе А.Н. Чернова) [37]. К сожалению, деятельность всех феминистских организаций – наряду с деятельностью иных партий и союзов – была объявлена большевистскими декретами конца 1917 – начала 1918 года вне закона.

Заключение

В заключение необходимо подчеркнуть следующее. Несмотря на имеющиеся различия, основная тенденция формирования гендерной системы в отношении женщин в российской цивилизации сходна с таковой в европейской цивилизации. Я имею в виду тенденцию к предоставлению женщинам большего круга прав и возможностей по мере развития цивилизаций. Конечно, исторические изменения не протекают линейно, есть прорывы, а есть и провалы. Так, после Октябрьской революции в России произошли значительные изменения с точки зрения обеспечения формально-юридического и фактического равноправия женщин и мужчин. Вместе с тем, в общественном устройстве и общественном сознании сохранилось немало традиционных норм и культурных стереотипов, что особенно стало заметно в наши дни. В связи с этим я полагаю, что важная теоретическая и социальная задача заключается в том, чтобы сделать выводы из прошлых ошибок и строить будущее, способное обеспечить гармоничное развитие каждого человека и страны в целом.

Воронина Ольга Александровна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора философии культуры Института философии РАН. 101000, Россия, Москва, Фурманский пер., д. 3, кв. 6.

Olga A. Voronina – Sc.D. in Philosophy, Leading research fellow, Department of Philosophy of Culture, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 101000, 3 Furmanny lane, 6, Moscow, Russia.

olga-voronina777@yandex.ru

Список литературы

1. Бердяев Н. Метафизика пола и любви // Русский эрос или философия любви в России / Сост. В.П. Шестаков. М.: Прогресс, 1991. 448 с.
2. Бердяев Н.А. Эрос и личность: Философия пола и любви. М.: Прометей, 1989. 156 с.
3. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 608 с.
4. Булгаков С.Н. Купина Неопалимая. Париж, 1927. Репринт: Вильнюс: Ална, 1990. 288 с.
5. Быт и история в античности / Под ред. Г.С. Кнабе. М.: Наука, 1988. 272 с.
6. Вардиман Е. Женщина в древнем мире. М.: Наука, 1990. 335 с.
7. Воронина О.А. Оппозиция материи и духа: гендерный аспект // Вопросы философии. 2007. № 2. С. 56–65.
8. Дружинин Н.М. Избранные труды. Революционное движение в России в XIX веке. М.: Наука, 1985. 485 с.
9. Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII–XX вв.) / Пер. с нем. М.: ВЛАДОС, 1997. 302 с.
10. Иванов В.И. Дионис и прадионисийство. СПб.: Алетейя, 1994. 350 с.
11. История женщин на Западе: в 5 т. Т. 1. От древних богинь до христианских святых / Под общ. ред. Ж. Дюби и М. Перро; пер. с англ. СПб.: Алетейя, 2005. 600 с.
12. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М.: Изд-во РГГУ, 2001. 575 с.
13. Лефstrand Э. Царь Петр и король Карл: Петр Великий и русские женщины. М.: Текст, 1999. 316 с.
14. Лисицына О.Д. Воспитание будущих «жен» и «матерей» в российской дворянской семье конца XVIII – первой половины XIX века // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2016. № 3. С. 17–34.
15. Лихт Г. Сексуальная жизнь в Древней Греции. М.: Крон-Пресс, 1995. 400 с.
16. Маррезе М.Л. Бабые царство: Дворянки и владение имуществом в России (1700–1861) / Пер. с англ. М.: НЛО, 2009. 368 с.
17. Межуев В.М. Гуманизм и современная цивилизация // Человек. 2013. № 3. С. 5–16.
18. Найденова Л.П. «Свои» и «чужие» в Домострое. Внутрисемейные отношения в Москве XVI века // Человек в кругу семьи / Под. Ред. Ю.Л. Бессмертного. М.: РГГУ, 1996. С. 290–304.
19. Павлюченко Э.А. Женщины в русском освободительном движении. От Марии Волконской до Веры Фигнер. М.: Мысль, 1988. 269 с.
20. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб.: Изд-во С-Петербур-ун-та, 1996. 364 с.
21. Пушкарева Л.Н. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX вв.). М.: Ладомир, 1997. 384 с.
22. Пушкарева Н.Л. Сексуальная этика в частной жизни древних руссов и москвитов X–XVII вв. // Секс и эротика в русской традиционной культуре / Сост. А.Л. Топорков. М.: Ладомир, 1996.
23. Пушкарёва Н. Русская женщина: история и современность. М.: Ладомир, 2002. 526 с.
24. Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории: новая картина европейского прошлого. М.: РОССПЭН, 2002. 352 с.
25. Розанов В. Люди лунного света: метафизика христианства. Репринт издания 1913 г. М.: Дружба народов, 1990. 297 с.
26. Розанов В. Семья как религия // Русский эрос... СПб., 1922. С. 120–139.
27. Розанов В. Уединенное // Русский эрос... СПб., 1922. С. 119.
28. Розанов В.В. В мире неясного и нерешенного. М.: Республика, 1995. 462 с.
29. Соловьев В.С. Россия и Вселенская церковь. М.: Путь, 1911. С. 335.

30. Соловьев В.С. Смысл любви // Русский Эрос или Философия любви в России / Сост. В.П. Шестаков. М.: Прогресс, 1991. С. 19–76.
31. Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм, большевизм, 1860–1930 / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. 616 с.
32. Сьюллеро Э. История и социология женского труда. М.: Прогресс, 1973. 237 с.
33. Труды I Всероссийского женского съезда. СПб., 1908.
34. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 1996. 296 с.
35. Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. СПб.: Алетея, 2007. 539 с.
36. Ярмонова Е.Н. Правовое положение женщин на Руси с IX по XV вв. Дис. ... канд.юр.н. Ставрополь, 2004. 195 с.
37. Gimbutas M. Goddesses and Gods in Old Europe. 7000–3500 B.C. Berkeley & Los Angeles: Univ. of Calif. Press, 1982.
38. Hubbs J. Mother Russia. The Feminine Myth in Russian Culture. Bloomington and Indianapolis: Indiana Univ. Press, 1988. 302 p.
39. Newmann E. The Great Mother. N.Y.: Princeton Univ. Press, 1955. 624 p.

References

1. Berdyaev N. Metafizika pola i lyubvi // Russkij eros ili filosofiya lyubvi v Rossii. Sost. V.P. Shestakov. M.: Progress, 1991. 448 s.
2. Berdyaev N.A. Eros i lichnost': Filosofiya pola i lyubvi. M.: Prometej, 1989. 156 s.
3. Berdyaev N.A. Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva. M.: Pravda, 1989. 608 s.
4. Bulgakov S.N. Kupina Neopalimaya. Parizh, 1927. Reprint: Vil'nyus: Alna, 1990. 288 s.
5. Byt i istoriya v antichnosti // Pod red. G.S. Knabe. M.: Nauka, 1988. 272 s.
6. Vardiman E. Zhenshchina v drevnem mire. M.: Nauka, 1990. 335 s.
7. Voronina O.A. Oppozitsiya materii i duha: gendernyj aspekt // Voprosy filosofii. 2007. № 2. S. 56–65.
8. Druzhinin N.M. Izbrannye trudy. Revolyucionnoe dvizhenie v Rossii v XIX veke. M.: Nauka, 1985. 485 s.
9. Zider R. Social'naya istoriya sem'i v Zapadnoj i Central'noj Evrope (konec XVIII–XX vv.). / Per. s nem. M.: VLADOS, 1997. 302 s.
10. Ivanov V.I. Dionis i pradionisijstvo. SPb.: Aletejya, 1994. 350 s.
11. Istoriya zhenshchin na Zapade: v 5 t. T. 1. Ot drevnih bogin' do hristianskih svyatyh / pod obshch. red. Zh. Dyubi i M. Perro. Per. s angl. SPb.: Aletejya, 2005. 600 s.
12. Kamenskij A.B. Ot Petra I do Pavla I. Reformy v Rossii XVIII veka (opyt celostnogo analiza). M.: Izd-vo RGGU, 2001. 575 s.
13. Lefstrand E. Car' Petr i korol' Karl: Petr Velikij i russkie zhenshchiny. M.: Tekst, 1999. 316 s.
14. Lisicyna O.D. Vospitanie budushchih «zhyon» i «materej» v rossijskoj dvoryanskoj sem'e konca XVIII – pervoj poloviny XIX veka // Vestnik TvGU. Seriya «Istoriya». 2016. № 3. S. 17–34.
15. Liht G. Seksual'naya zhizn' v Drevnej Grecii. M.: Kron-Press, 1995. 400 s.
16. Marreze M.L. Bab'e carstvo: Dvoryanki i vladenie imushchestvom v Rossii (1700–1861) / Per. s angl. M.: NLO, 2009. 368 s.
17. Mezhuev V.M. Gumanizm i sovremennaya civilizaciya // Chelovek. 2013. № 3. S. 5–16.
18. Najdenova L.P. «Svoi» i «chuzhie» v Domostroe. Vnutrisemejnye otnosheniya v Moskve XVI veka // Chelovek v krugu sem'i. Pod. Red. Yu.L. Bessmertnogo. M.: RGGU, 1996. S. 290–304.
19. Pavlyuchenko E.A. Zhenshchiny v russkom osvoboditel'nom dvizhenii. Ot Marii Volkonskoj do Very Figner. M: Mysl', 1988. 269 s.

20. Propp V.Ya. Istoricheskie korni volshebnoj skazki. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1996. 364 s.
21. Pushkareva L.N. Chastnaya zhizn' russkoj zhenshchiny: nevesta, zheni, lyubovnica (X – nachalo XIX vv.). M.: Ladomir, 1997. 384 s.
22. Pushkareva N.L. Seksual'naya etika v chastnoj zhizni drevnih russov i moskovitov X–XVII vv. // Seks i erotika v russkoj tradicionnoj kul'ture. Sost. Toporkov A.L. M.: Ladomir, 1996.
23. Pushkaryova N. Russkaya zhenshchina: istoriya i sovremennost'. M.: Ladomir, 2002. s.
24. Repina L.P. Zhenshchiny i muzhchiny v istorii: novaya kartina evropejskogo proshlogo. M.: ROSSPEN, 2002. 352 s.
25. Rozanov V. Lyudi lunnogo sveta: metafizika hristianstva. Reprint izdaniya 1913 g. M.: Druzhba narodov, 1990. 297 s.
26. Rozanov V. Sem'ya kak religiya // Russkij eros... SPb., 1922. S. 120–139.
27. Rozanov V. Uedinennoe // Russkij eros... SPb., 1922. S. 119.
28. Rozanov V.V. V mire neyasnogo i nereshennogo. M.: Respublika, 1995. 462 s.
29. Solov'ev V.S. Rossiya i Vselenskaya cerkov'. M.: Put', 1911. S. 335.
30. Solov'ev V.S. Smysl lyubvi // Russkij Eros ili Filosofiya lyubvi v Rossii / Sost. V.P. Shestakov. M.: Progress, 1991. S. 19–76.
31. Stajts R. Zhenskoe osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: feminizm, nigilizm, bol'shevizm, 1860–1930 / Per. s angl. M.: ROSSPEN, 2004. 616 s.
32. Syullero E. Istoriya i sociologiya zhenskogo truda. M.: Progress, 1973. 237 s.
33. Trudy I Vserossijskogo zhenskogo s"ezda. SPb., 1908.
34. Hantington S. Stolknovenie civilizacij. M.: AST, 1996. 296 s.
35. Yukina I.I. Russkij feminizm kak vyzov sovremennosti. SPb.: Aletejya, 2007. 539 s.
36. Yarmonova E.N. Pravovoe polozhenie zhenshchin na Rusi s IX po XV vv. Dis. ... kand.yur.n. Stavropol', 2004. 195 s.
37. Gimbutas M. Goddesses and Gods in Old Europe. 7000–3500 B.C. Berkeley & Los Angeles: Univ. of Calif. Press, 1982.
38. Hubbs J. Mother Russia. The Feminine Myth in Russian Culture. Bloomington and Indianapolis: Indiana Univ. Press, 1988. 302 p.
39. Newmann E. The Great Mother. N.Y.: Princeton Univ. Press, 1955. 624 p.